

Десять лет «арабской весны» в Египте и Тунисе: итоги и перспективы

Руслан ШАНГАРАЕВ

Анна КАШИНА

Хотя с момента зарождения волны протестов в 2010 г. на Ближнем Востоке прошло чуть больше десяти лет, термин «арабская весна» по сей день остаётся предметом полемики: кто-то соотносит его лишь с начальным этапом событий 2010–2011 гг. [1, 2], т. е. связывает с первыми протестными движениями в Тунисе и Египте, другие же эксперты находят альтернативные определения событий: «массовые протестные движения нового типа», «начало глобальной реконфигурации мир-системы» и т. д. [3]. Тем не менее, поскольку народные восстания в арабских странах приобрели волнообразный характер и, вероятнее всего, ещё не завершились, термин «арабская весна» пока остаётся конвенциональным.

ШАНГАРАЕВ Руслан Насимович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* ruslan.shangaraev@dipacademy.ru

КАШИНА Анна Анатольевна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* a.kashina@dipacademy.ru

Ключевые слова: Египет, Тунис, «арабская весна», социальные сети, НПО.

¹ Видясова М. Египет после революции 2011 г. Ч. 1 // Обозреватель–Observer. 2013. № 11.

² Видясова М. Египет после революции 2011 г. Ч. 2 // Обозреватель–Observer. 2013. № 12.

³ Еремина Н. В. «Сверхновая революционная ситуация»: общественный слом без лидера или управляемая трансформация систем? // РСМД. 13 апреля 2021 // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sverkhnovaya-revolutsionnaya-situatsiya-obshchestvennyy-slom-bez-lidera-ili-upravlyаемaya-transform/>

Вопрос об истоках «арабской весны» также приобрёл дискуссионный характер. Оставаясь актуальной темой для востоковедов, он находил трактовки, отражавшие различные версии от популярного, но от этого далеко не более научного конспирологического подхода до теории цикличности протестных выступлений в арабском мире [4]. Более того, какими бы ни были предпосылки и реальные причины народных бунтов, этот опыт оказался для каждой страны уникальным, что подтверждается примерами Туниса и Египта.

Египетская и тунисская модели – конвергенция и дивергенция развития

Большинство экспертов едины во мнении относительно набора предпосылок уличных волнений и в общих чертах сводят его к безработице (особенно среди молодёжи), отсутствию политических свобод, острому социальному неравенству и коррумпированности правящих режимов.

В Тунисе, где «арабская весна» берёт своё начало, президент Зин аль-Абидин Бен Али и его клан правили с 1987 г., фактически монополизировав основные сферы экономики и ведя роскошный образ жизни.

В Египте Хосни Мубарак бесменно находился у власти 30 лет и намеревался передать бразды правления своему сыну.

Для президентов обеих стран антиправительственные демонстрации стали неожиданностью, поскольку макроэкономические показатели Туниса и Египта свиде-

тельствовали о позитивной динамике развития [5].

При этом в Тунисе, а затем и Египте идеи «арабской весны» возникли на фоне популярности социальных сетей *Facebook* и *Twitter*, которые стали идеальным средством трансляции идей протестующих на условиях анонимности и в обход цензуры. Имея в виду влияние социальных сетей, учёные называли события «арабской весны» в Египте и Тунисе «*facebook*-революцией» или «*twitter*-революцией».

В Египте наиболее активным было движение «Шестое апреля», внёсшее весомый вклад в события 2011 г. Свою площадку в сети *Facebook* его активисты использовали для распространения информации и координации действий демонстрантов [6].

Имеются сведения о тесном общении египетских активистов с тунисскими: между ними был налажен

⁴ Маноило А. В. Украинский кризис и «Управляемый хаос»: след «Цветных революций» Арабской весны // Власть. 2014. № 4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskiy-krizis-i-upravlyaemyy-haos-sled-tsvetnyh-revolutsiy-arabskoy-vesny>

⁵ Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. 2011. № 2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/egipetskaya-revolutsiya-2011-goda-sotsiodemograficheskiy-analiz>

⁶ Шангараев Р. Н. Социальные сети в контексте информационной безопасности государства // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 5.

обмен фотографиями и видео с мест событий, призывами отстоять свои права и достоинство.

После свержения правящих режимов в результате первых прозрачных всеобщих выборов в Тунисе (октябрь 2011 г.) и Египте (2012 г. поэтапно) к власти пришли исламисты.

Несмотря на ограниченное участие в демонстрациях, умеренные исламисты тунисского движения «Ан-Нахда» оказались самой организованной и массовой партией, возглавившей коалиционное правительство. В Египте около 2/3 парламентских мандатов получила коалиция партии «Свобода и справедливость» (политическое крыло движения «Братья-мусульмане», запрещённой в России) и партии салафитов «Ан-Нур» [7]. В обеих странах исламский крен привёл к сильной поляризации общественности, размежевавшейся на сторонников исламистов и их противников – модернистов (или западников).

Ярким проявлением этой поляризации стал кризис 2013 г. в Тунисе, когда страна была на грани гражданской войны, но за успех Национального диалога и преодоление этого кризиса тунисские политические силы получили Нобелевскую премию мира. Существенным «бонусом» Национального диалога стало закрепление в легальном поле тунисской политики умеренного исламизма.

В Египте же президент Мохаммед Мурси, бывший член движения «Братья-мусульмане», у власти не удержался. Его резкий и необдуман-

ный реформаторский курс на исламизацию настроил против него армейское командование, выразившее интересы светских кругов. Вероятно, здесь сыграл свою роль тот факт, что вопреки сложившейся в Египте традиции президент М. Мурси не был выходцем из военной среды. Правление нового главы государства в Египте продлилось недолго – буквально через год тогдашний министр обороны Абдель Фаттах ас-Сиси, воспользовавшись поддержкой военных, фактически совершил переворот.

По официальной версии, армия вмешалась якобы только после массовых демонстраций против М. Мурси и правительства исламистов. В итоге военные получили серьёзные законодательные привилегии, зафиксированные в египетской Конституции 2014 г., а также поправки к ней от 2019 г., согласно которым военные должны «охранять конституцию и демократию, поддерживать основные столпы государства и его гражданский характер» (ст. 200). Этот поворот повлёк возвращение во властные структуры лиц, связанных с режимом Х. Мубарака, а также аресты как либеральных политических активистов, так и исламистов, вынесение смертных приговоров сторонникам движения «Братья-мусульмане», признанного в конце 2013 г. террористическим.

Невозможность основать в Арабской Республике Египет (АРЕ) партию на религиозной или этноконфессиональной основе зафиксирована в ст. 74 Конституции (2014 г.), в то время как в Тунисе на основа-

⁷ Аксененко А. Г. Египет: особенности переходного периода // Россия и мусульманский мир. 2013. № 12 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/egipet-osobennosti-perehnogo-perioda>

нии постановления о партиях и собраниях (2011 г.) существование таких партий разрешено, если они не угрожают безопасности. Салафитская партия «Хизб ут-Тахрир», которая запрещена в России, в Тунисе была в 2017 г. тоже отнесена к экстремистским и объявлена вне закона, зато на 2020 г. в списке действующих в Тунисе партий было множество происламских: партия «Аль-Карам», Партия справедливости и равенства, Национальное движение справедливости и равенства и др.

Таким образом, несмотря на то что Тунис и Египет после волнений 2011 г. двигались по похожим тра-

екториям, кризис общественной поляризации стал реперной точкой, где эти страны разошлись в противоположных направлениях: Египет практически вернулся к «дореволюционному» состоянию, а в Тунисе, кажется, пустили корни первые ростки демократии, где нашлось место умеренным исламистам.

Однако уже выборы 2019 г. выявили в Тунисе падение их популярности: за 10 лет доминирования политического ислама во власти ни одно экономическое требование «революции» выполнено не было. Как не были они выполнены до сих пор и в Египте.

Что важнее: демократия или экономическая стабильность?

С 2011 по 2019 г. темпы экономического роста в **Тунисе** не превысили 1,8% по сравнению с 4,2% в предыдущее десятилетие (2000–2010 гг.).

С учётом резкого спада экономической активности в период борьбы с коронавирусом экономический рост, как ожидается, сохранит тенденцию замедления. Жёсткие меры по предотвращению пандемии ещё сильнее ослабили рынок труда.

В результате в 2020 г. почти 0,5 млн тунисских граждан оказались на грани бедности. Уровень безработицы вырос с 13% в 2010 г. до 16,3% в 2020 г., в абсолютных значениях этот показатель среди выпускников вузов за тот же период удвоился: с 130 до 300 тыс. чел.

При этом инфляция, которая в 2011 г. едва превышала 4%, к 2018 г. (впервые с 1990 г.) достиг-

ла своего пика – 7,8%, но к 2020 г. стабилизировалась опять на уровне 4,9%.

Однако государственный долг составил почти 90% ВВП [8].

Не обладая значительными внутренними ресурсами, основные надежды на восстановление тунисское правительство возложило, в частности, на кредитные соглашения с МВФ.

Так, в 2013 г. МВФ одобрил для Туниса кредит в размере 1,7 млрд долл., в 2016 г. – 2,9 млрд долл., в 2021 г. велись переговоры о предоставлении 4 млрд долл.

Вместе с тем кредиты международных институтов обусловлены проведением структурных экономических реформ, которые не обходят-

⁸ Institut National de la Statistique (INS) // URL: <http://www.ins.tn/>

ся без сокращения зарплат, урезания социальных программ и отмены дотирования товаров первой необходимости, обостряя социальную напряжённость.

Хотя забастовки и протесты носят локальный характер, нескончаемые демонстрации заметно подрывают деятельность предприятий и даже целых экономических отраслей.

Например, в 2019 г. было зафиксировано более 9 тыс. акций протеста и забастовок [9]. Самым массовым и продолжительным, пожалуй, было выступление в южнотунисской провинции Татавин, где более полугодом безработная молодёжь выходила на улицы, осаждала госучреждения и громила полицейские участки, требуя от правительства выполнить данное ранее обещание и предоставить местным жителям рабочие места.

Суть конфликта сводится, в частности, к невозможности трудоустроиться без колоссальной взятки, которая не окупится и через год работы, свояченичеству и патернализму. К сожалению, от этих до сих пор массовых и структурных явлений тунисской реальности не смогли помочь аудиенции с президентом, на которые делегация переговорщиков из глухой южной провинции приезжала в столицу.

После того как митингующие блокировали трассы на юге страны и сделали невозможной работу нефтяных объектов (станций насосной перекачки нефти), международные

гиганты *Shell* и *Eni* объявили, что после почти 90-летнего сотрудничества выведут из Туниса свои активы и закроют проекты.

Крупные потери туристического сектора – до 65% по сравнению с 2011 г., объясняются не только распространением коронавируса, но и низким уровнем безопасности.

Жестокие теракты 2015 г. на курорте Сус, а затем в Национальном музее Бордо (в столичном пригороде), два взрыва в столице в 2019 г. возле полицейских участков и сообщения о попытках отравления президента или кого-либо из парламентариев – лишь немногие тому доказательства.

Согласно оценкам Фонда мира, в Тунисе индекс угроз безопасности (компонент индекса недееспособности государства), в 2017 г. был максимально высоким за 10 лет (8,3 из максимальных 10), в 2020 г. снизился лишь на один пункт – до 7,4.

Иными словами, современный Тунис не считается таким же безопасным, каким был до «арабской весны»: в 2007 г. индекс угроз составлял 5,9, что сопоставимо с ситуацией в современной Грузии [10].

Экономическая ситуация в **Египте** через 10 лет «арабской весны» кажется на первый взгляд более позитивной, чем в Тунисе.

Темпы экономического роста, по официальной статистике, в 2016–2017 гг. составили 4,2%, в 2018–2019 гг. – 5,6%, на фоне пандемии упали незначительно – до 3,6% [11].

Относительно стабильный рост ВВП преподносится как неоспори-

⁹ Fahmi G. The Arab Spring 10 Years On.– Chatham house, 26.01.2021 // URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/01/arab-spring-10-years>

¹⁰ Tunisia: Security threats index // TheGlobalEconomy.com // URL: https://www.theglobaleconomy.com/Tunisia/security_threats_index/

¹¹ Central Agency for Public Mobilization and Statistics (CAPMAS) // URL: <https://www.capmas.gov.eg/>

мое достижение египетского президента А. Ф. ас-Сиси.

Практически пиковых показателей за всю современную историю в Египте достигли прямые иностранные инвестиции: 124,5 млрд долл. за 2015–2019 гг. В 2021 г. Египет лидировал по этому показателю на Африканском континенте.

В ожидании кредита от МВФ на 12 млрд долл. египетское правительство вынуждено было пойти на проведение болезненной девальвации национальной валюты и введение её плавающего курса в 2016 г., но к 2021 г. национальный финансовый рынок пришёл в равновесие и валютный резерв превысил 37 млрд долл.

В качестве доказательства эффективной фискальной политики властей преподносится также рекордное падение уровня инфляции до 5,1%, что является лучшим за 15 лет результатом.

Между тем, несмотря на благополучие макроэкономических показателей, из-за демографического фактора уровень жизни египтян не улучшился.

Естественный прирост в 2020 г. достигал 1,8%, а к 2050 г. ожидается увеличение численности населения до 160 млн чел., т. е. более чем на треть.

Более 32,5% египтян в 2020 г. жили за чертой бедности, что выше аналогичного показателя пятью годами ранее (28%).

При сохранении такой динамики вряд ли будет выполнен план по искоренению в Египте бедности к 2030 г.

Рынок труда в стране продолжает испытывать избыточную нагрузку, даже при том, что уровень безработицы постепенно снижался с 17,6% в 2000 г. до 7,5% в 2019 г.

Учитывая, что угроза роста числа безработных – это одна из первоочередных угроз безопасности в целом, неудивительно, что планируется начать целый ряд крупных долгосрочных проектов, рассчитан-

ных на создание большого количества рабочих мест.

Среди них – строительство административной столицы «Новый Каир», масштабная застройка жилого сектора и улучшение инфраструктуры, создание особой экономической зоны в Суэцком канале и т. д.

Только вот средств для претворения этих амбициозных планов у Египта может оказаться недостаточно. Несмотря на то что МВФ прогнозировал сокращение внешнего долга АРЕ к 2022–2023 финансовому году до 74% ВВП, пока он составляет около 129 млрд долл. (почти 90% ВВП).

Неоспоримой победой египетского руководства также считается восстановление туристического сектора, который сильно пострадал на фоне всплеска экстремизма и терроризма после 2011 г.

По официальной статистике, в период 2013–2019 гг. в Египте было организовано более тысячи терактов, унёсших жизни более 2,5 тыс. чел.

В числе прочих – катастрофа с российским самолётом (2015 г. на Синае), в которой погибли все 224 пассажира.

Девизом А. Ф. ас-Сиси стала борьба с терроризмом во всех проявлениях, а в апреле 2021 г. Россия и Египте договорились о восстановлении авиасообщения. По заявлениям египетского Министерства туризма, сектор полностью восстановится к 2022 г.

С другой стороны, устойчивость экономического развития Египта гарантируется такими стабильными источниками доходов, как доходы Суэцкого канала и разработка крупнейшего в Средиземном море

газового месторождения Зохр. При высокой вероятности разрешения конфликта вокруг плотины «Возрождение» на Ниле мирным путём Египет будет вполне способен обеспечить себе ведущие позиции в региональной экономике.

Экономическое процветание на руку президенту А. Ф. ас-Сиси, который стремится продемонстрировать, что демократия – не панацея при решении сложных экономических задач, которые скорее нуждаются в централизации и стабильности, пусть даже в ущерб демократическим свободам. Действительно, успехи власти во многом определяются тем, насколько она умеет впи-

сываться в узкие рамки экономической философии.

Таким образом, реальный выбор в Тунисе и Египте после 2011 г. состоял в альтернативе между экономической стабилизацией и шаткой демократией с неопределёнными экономическими перспективами, в чём до сих пор египтяне склонялись к первому, а тунисцы – ко второму.

Тем не менее согласно результатам анализа, проведённого в 2018–2019 гг. исследовательской организацией *Arab Barometer* (на базе Принстонского университета), более 78% тунисцев и 70% египтян полагают, что демократическая форма правления является оптимальной для их страны [12].

Международные неправительственные организации и иностранное влияние

По данным опроса, который в 2012 г. проводился Американским институтом общественного мнения, 11% респондентов-египтян и 9% респондентов-тунисцев полагали, что события «арабской весны» произошли не столько под влиянием внутренних факторов, сколько под воздействием иностранного влияния. Однако по мнению заместителя директора Института Африки РАН Л. Л. Фитуни, рассуждения о «влиянии» вообще малопродуктивны, так как необходимо разделять иностранное влияние на формирование объективных предпосылок волне-

ний 2011 г. и роль внешнего фактора в обеспечении победы оппозиционных сил в арабских странах. Если ставить вопрос таким образом, то большинство экспертов примут факт решающего влияния внешнего фактора в поддержке оппозиции и падении режимов [13]. Это общее замечание вполне справедливо в отношении Туниса и Египта.

Частным примером внешнего влияния на события до и после 2011 г. является деятельность международных неправительственных организаций – МНПО (*Non-governmental organizations*).

¹² Arab Barometer Wave V // Arab Barometer // URL: <https://www.arabbarometer.org/surveys/arab-barometer-wave-v/>

¹³ Фитуни Л. Л. «Арабская весна» в глобальном и региональном измерениях // Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «Круглого стола». Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (30 мая 2011 г.) / отв. ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М., 2012. С. 77.

Законы, действующие во время режима Бен Али в Тунисе: Закон 1993 г. о деятельности НПО, Закон 1988 г. о политических партиях, Закон 2003 г. о борьбе с терроризмом, с одной стороны, формально гарантировали основные права и свободы человека, а с другой – оставляли обширное поле для лоббирования правительственных интересов для контроля гражданского общества. После 2011 г. было пересмотрено законодательство о деятельности СМИ, политических партий и гражданского общества.

Парадоксальным образом численность МНПО резко возросла: в 2010 г. в Тунисе насчитывалось около 9 тыс. МНПО, но уже к 2014 г. их число перевалило за 15 тыс. [14].

Учреждённые в Тунисе НКО в 2011 г. получили финансовую поддержку из 25 стран в общей сложности на сумму 614 млн евро (как государственного, так и неправительственного секторов). Иностранное финансирование МНПО в Тунисе с большой долей вероятности использовалось в качестве политического инструмента.

Основных направлений этого влияния было три:

- влияние на политический и избирательный процесс;
- воздействие на местные СМИ и формирование общественного мнения;

– дискредитация государственной власти путём раскрытия коррупционных связей после придания гласности нарушений в финансовой сфере и др.

Однако в Тунисе, в отличие от Египта, систематического давления со стороны властей в отношении МНПО не предпринимается, и они продолжают пользоваться популярностью у молодёжи, которая находит себя именно в этой сфере на фоне кризиса доверия к традиционным политическим партиям [15].

Что касается Египта, то там жизнь гражданского общества регулировалась положениями Закона об ассоциациях и сообществах (*Law on Associations and Community Foundation*), Законом № 84 от 2002 г. [16].

По данным ЭКОСОС, в 2009 г. Египет занимал 2-е место по количеству МНПО в Северной Африке (первое место у Туниса) [17].

Особую роль в «экспорте демократии» сыграли неправительственные организации США, и этот факт был официально признан бывшим государственным секретарём Соединённых Штатов Х. Клинтон (7 ноября 2011 г.) [18].

Точных данных об объёмах финансовой помощи, поступившей

¹⁴ Brudzinska K. Support for NGOs in Tunisia after the Arab Spring. PISM. 2014. № 61 // URL: https://www.pism.pl/files/?id_plik=17211

¹⁵ Кашина А.А. Тунисская молодёжь на политической сцене // Восточный альманах. 2017. Вып. I. М.: Квант Медиа.

¹⁶ Law 84 on Non-governmental organization // International Center for Not-for-Profit Law, 2002 // URL: <http://www.icnl.org/research/library/files/Egypt/law84-2002-En.pdf>

¹⁷ Housseini B. Middle-Eastern and North African NGOs' Participation in the United Nations Economic and Social Council: Current Situation, Challenges and Solutions. Website UN. Department of Economic and Social Affairs. 2009 // URL: <http://csonet.org/content/documents/MENA.pdf>

¹⁸ Secretary Clinton on Middle East Uprisings and Transition Process. 7 November 2011 // URL: <https://www.c-span.org/video/?302532-1/secretary-clinton-middle-east-uprisings-transition-process>

с 2011 г. в Египет, разумеется, нет. Однако даже по отрывочным сведениям можно судить об их масштабах.

Так, после падения режима Х. Мубарака США направили 65 млн долл. из своих фондов экономической поддержки для оказания содействия так называемому демократическому транзиту Египта [19].

В рамках программы «Инициатива по партнёрству на Ближнем Востоке» (*MEPI – Middle East Partnership Initiative*) Государственный департамент США предоставил 6,5 млн долл. для поддержки МНПО, которые готовились к проведению демократических выборов в 2011–2012 гг. в Египте [20].

По мнению египетского эксперта Мохамеда Илагати, автора аналитического доклада «Иностранное финансирование в Египте после революции», иностранное донорство, будучи инструментом внешнего влияния, в Египте ставило во главу угла манипуляцию общественным мнением для формирования и продвижения определённой повестки [21].

В декабре 2011 г. Высший совет вооружённых сил Египта совершил проверку более 30 отделений МНПО, которые действовали в Египте, в результате чего некоторые из них

были закрыты из-за обвинений в «политической измене и участии в заговоре против страны, с раскрытием конфиденциальной информации иностранным лицам» [22]. В оправдание действий властей и для отвода глаз центральная египетская газета «Аль-Ахрам» опубликовала скандальную статью, в которой автор предал гласности попавшие к нему документы, якобы изъятые представителями египетских спецслужб во время обыска в каирском офисе американской неправительственной организации «Международный республиканский институт» (*International Republican Institute*), содержавшие «американо-сионистский план» раздела Египта на четыре мини-государства [23].

Такого рода давление на МНПО, заклеянные в официальной прессе «агентами влияния Запада», подогревает антиамериканские настроения в египетском обществе и приводит к невозможности МНПО вести свою деятельность на территории Египта. Следует признать, что МНПО в Египте в целом продвигали идею борьбы с режимом Х. Мубарака с помощью таких методов, как гражданское неповиновение, символический протест и др. [24].

¹⁹ Guilmain O. L'influence des ONG américaines sur le printemps arabe: l'exemple de la National Endowment for Democracy // *La face cache des revolutions arabes*. P.: Ellipses, 2012. P. 387–388.

²⁰ Carothers T. Democracy Policy under Obama Revitalization or Retreat? // URL: http://carnegieendowment.org/files/democracy_under_obama.pdf

²¹ Elagati M. Foreign Funding in Egypt after the Revolution // URL: https://www.files.ethz.ch/isn/162759/WP_EGYPT.pdf

²² Najjar F. Egypt's NGO law aims to 'erase civil society' // *Aljazeera*, 2017 // URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/02/egypt-ngo-law-aims-erase-civil-society-170215121321442.html>

²³ Крылов А. В. «Арабская весна» в контексте планов пересмотра границ Большого Ближнего Востока // МГИМО, 2012 // URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/220009/>

²⁴ Sadiki L. Unruliness through Space and Time. Reconstructing «Peoplehood» in the Arab Spring // *Routledge Handbook of the Arab Spring* Routledge, 2015 // URL: <https://goo.gl/7APwmH>

Таким образом, революционные протесты 2011 г. в Тунисе и Египте имели сходные предпосылки. После свержения режимов З.А. Бен Али и Х. Мубарака на первых демократических выборах доминирующие позиции во власти заняли исламисты. На фоне общественной поляризации, трудностей в сфере безопасности и экономического кризиса египтяне и тунисцы вопрос о приоритете стабильности или демократии решали по-разному. В Тунисе умеренные исламисты стали неотъемлемой частью политического ландшафта, в то время как в Египте военные взяли реванш, объявив движение «Братья-мусульмане» террористической организацией и закрыв путь перед политическим исламом.

В свете появления после 2011 г. в Тунисе и Египте множества МНПО, последние стали восприниматься как инструмент внешнего влияния для оказания помощи местным жителям в «строительстве демократии».

Исходя из общих тенденций развития, в Тунисе МНПО приобрели популярность у молодёжи, хотя и не избежали критики в незаконном иностранном финансировании. Будучи более открытым демократическим ценностям, в частности, в вопросе поддержки гражданского общества, Тунис в ближайшем будущем окажется перед вызовом давно назревших экономических реформ. Успешное преодоление этого этапа при финансовой помощи извне может способствовать закреплению здесь демократических институтов.

Пессимистичный прогноз, связанный с деградацией экономической обстановки при серьёзном падении имиджа исламистов и недоверии народа к политическим партиям, приведёт, вероятно, к скатыванию Туниса к диктатуре и однопартийности.

В Египте вопрос о деятельности МНПО решился более радикально – с применением чисток и массовых кампаний против них в СМИ.

Ограничение свобод обосновывалось необходимостью экономической стабилизации. Этот процесс имеет шансы завершиться успешно для Египта при условии верного расчёта и планирования не только макро-, но и микроэкономических показателей, а также благоприятной внешней конъюнктуры. Однако проявленное стремление египтян к демократизации при нежелании власти идти навстречу наверняка будет создавать социальную напряжённость в будущем.

Библиография • References

- Видясова М.* Египет после революции 2011 г. Ч. 1 // *Обозреватель–Observer*. 2013. № 11. С. 60–69.
 [Vidyasova M. Egipet posle revolucii 2011 g. CH. 1 // *Obozrevatel'–Observer*. 2013. № 11. S. 60–69]
Видясова М. Египет после революции 2011 г. Ч. 2 // *Обозреватель–Observer*. 2013. № 12. С. 116–127.
 [Vidyasova M. Egipet posle revolucii 2011 g. CH. 2 // *Obozrevatel'–Observer*. 2013. № 12. S. 116–127]

- Еремина Н.В. «Сверхновая революционная ситуация»: общественный слом без лидера или управляемая трансформация систем? // РСМД. 13 апреля 2021 // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sverkhnovaya-revolutsionnaya-situatsiya-obshchestvennyy-slom-bez-lidera-ili-upravlyаемaya-transform/>
- [Eremina N. V. «Sverhnovaya revolyucionnaya situaciya»: obshchestvennyj slom bez lidera ili upravlyаемaya transformaciya sistem? // RSMD. 13 aprelya 2021 // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sverkhnovaya-revolutsionnaya-situatsiya-obshchestvennyy-slom-bez-lidera-ili-upravlyаемaya-transform/>]
- Кашина А.А. Тунисская молодёжь на политической сцене // Восточный альманах. 2017. Вып. I. М.: Квант Медиа. С. 42–52.
- [Kashina A. A. Tunisskaya molodyozh' na politicheskoy scene // Vostochnyj al'manah. 2017. Vyp. I. M.: Kvant Media. S. 42–52]
- Коротяев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. 2011. № 2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/egipetskaya-revolyutsiya-2011-goda-sotsiodemograficheskiy-analiz>
- [Korotayev A. V., Zin'kina YU. V. Egipetskaya revolyuciya 2011 goda: sociodemograficheskiy analiz // Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii. 2011. № 2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/egipetskaya-revolyutsiya-2011-goda-sotsiodemograficheskiy-analiz>]
- Крылов А.В. «Арабская весна» в контексте планов пересмотра границ Большого Ближнего Востока // МГИМО, 2012 // URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/220009/>
- [Krylov A.V. «Arabskaya vesna» v kontekste planov peresmotra granic Bol'shogo Blizhnego Vostoka // MGIMO, 2012 // URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/220009/>]
- Манойло А.В. Украинский кризис и «Управляемый хаос»: след «Цветных революций» Арабской весны // Власть. 2014. № 4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskiy-krizis-i-upravlyaemyy-haos-sled-tsvetnyh-revolyutsiy-arabskoy-vesny>
- [Manojlo A. V. Ukrainskiy krizis i «Upravlyaemyj haos»: sled «Cvetnyh revolyucij» Arabskoj vesny // Vlast'. 2014. № 4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskiy-krizis-i-upravlyaemyy-haos-sled-tsvetnyh-revolyutsiy-arabskoy-vesny>]
- Фитунни Л.Л. «Арабская весна» в глобальном и региональном измерениях // Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «Круглого стола». Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (30 мая 2011 г.) / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М., 2012. С. 76–89.
- [Fituni L. L. «Arabskaya vesna» v global'nom i regional'nom izmereniyah // Protestnyye dvizheniya v arabskih stranah. Predposylki, osobennosti, perspektivy. Materialy konferencii «Kruglogo stola». Centr civilizacionnyh i regional'nyh issledovanij Instituta Afriki RAN (30 maya 2011 g.) / отв. red. I. V. Sledzevskij, A. D. Savateev. M., 2012. S. 76–89]
- Шангараев Р.Н. Социальные сети в контексте информационной безопасности государства // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 5. С. 1210–1216.
- [SHangaraev R. N. Social'nye seti v kontekste informacionnoj bezopasnosti gosudarstva // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2020. T. 10. № 5. S. 1210–1216]

- Arab Barometer Wave V // Arab Barometer // URL: <https://www.arabbarometer.org/surveys/arab-barometer-wave-v/>
- Brudzinska K. Support for NGOs in Tunisia after the Arab Spring. PISM. 2014. № 61 // URL: https://www.pism.pl/files/?id_plik=17211
- Carothers T. Democracy Policy under Obama Revitalization or Retreat? // URL: http://carnegieendowment.org/files/democracy_under_obama.pdf
- Central Agency for Public Mobilization and Statistics (CAPMAS) // URL: <https://www.capmas.gov.eg/>
- Elagati M. Foreign Funding in Egypt after the Revolution // URL: https://www.files.ethz.ch/isn/162759/WP_EGYPT.pdf
- Fahmi G. The Arab Spring 10 Years On. – Chatham house, 26.01.2021 // URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/01/arab-spring-10-years>
- Guilmain O. L'influence des ONG américaines sur le printemps arabe: l'exemple de la National Endowment for Democracy // La face cachée des révolutions arabes. P.: Ellipses, 2012. P. 385–414.
- Housseini B. Middle-Eastern and North African NGOs' Participation in the United Nations Economic and Social Council: Current Situation, Challenges and Solutions. Website UN. Department of Economic and Social Affairs. 2009 // URL: <http://csonet.org/content/documents/MENA.pdf>
- Institut National de la Statistique (INS) // URL: <http://www.ins.tn/>
- Law 84 on Non-governmental organization // International Center for Not-for-Profit Law, 2002 // URL: <http://www.icnl.org/research/library/files/Egypt/law84-2002-En.pdf>
- Najjar F. Egypt's NGO law aims to 'erase civil society' // Aljazeera, 2017 // URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/02/egypt-ngo-law-aims-erase-civil-society-170215121321442.html>
- Sadiki L. Unruliness through Space and Time. Reconstructing «Peoplehood» in the Arab Spring // Routledge Handbook of the Arab Spring Routledge, 2015 // URL: <https://goo.gl/7APwmH>
- Secretary Clinton on Middle East Uprisings and Transition Process. 7 November 2011 // URL: <https://www.c-span.org/video/?302532-1/secretary-clinton-middle-east-uprisings-transition-process>
- Tunisia: Security threats index // TheGlobalEconomy.com // URL: https://www.theglobaleconomy.com/Tunisia/security_threats_index/

Статья поступила в редакцию 16 июня 2021 г.